

DOI 10.15826/izv2.2018.20.3.053

УДК 821.161.1-311.2 + 325.2 + 342.57

Ю. В. Матвеева*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия*

СОВЕТСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ И «ПОДСОВЕТСКИЙ» ЧЕЛОВЕК ГЛАЗАМИ ПИСАТЕЛЯ-ЭМИГРАНТА БОРИСА ШИРЯЕВА*

В статье рассматривается литературно-художественное творчество писателя второй волны эмиграции Б. Н. Ширяева с точки зрения отражения в нем советской действительности и советского человека, созданного и воспитанного в течение двух довоенных десятилетий. Из всего литературного наследия писателя для анализа выбираются такие произведения, в которых тема отношения к советскому миру является центральной: книга рассказов «Я — человек русский», повести «Овечья лужа», «Кудяров дуб», «Хорунжий Вакуленко».

На примере рассказов из книги «Я — человек русский» показана изображенная Ширяевым разница между «русским» и «советским» человеком, рассмотрена система сатирических приемов, с помощью которой писатель изобразил аномальные и абсурдные стороны советской действительности, целиком подчиненной омертвляющей все живое марксистско-ленинской идеологии. Поставлен вопрос соотношения сатиры Ширяева и сатиры «советской», а также болезненный вопрос о той негативной роли, которую несет в себе коллаборационистский по сути идеал автора — восстановление гармонии русской жизни под властью Гитлера.

Анализ повестей «Овечья лужа», «Кудяров дуб», «Хорунжий Вакуленко» расширяет представления о восприятии Ширяевым советского мира за счет непосредственного выхода к теме Великой Отечественной войны. В каждой из этих повестей на уровне сюжетно-образной организации реализуется одна и та же идея о том, что война и немецкая оккупация стали своеобразной проверкой для советской власти и советской идеологии, неожиданной возможностью для русских «подсоветских» людей сравнить советский режим, советскую действительность и ту власть и порядки, которые воцарились на занятых немцами территориях. В процессе анализа делается попытка выявить идейно-нравственную односторонность подобной концепции, показать художественную несостоятельность ее литературного воплощения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Б. Н. Ширяев; вторая волна эмиграции; «подсоветский» человек; коллаборационизм.

Ц и т и р о в а н и е: *Матвеева Ю. В.* Советская действительность и «подсоветский» человек глазами писателя-эмигранта Бориса Ширяева // *Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки.* 2018. Т. 20. № 3 (178). С. 168–182.

Поступила в редакцию 19.06.2018

Принята к печати 09.07.2018

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, грант 17-21-07002-ОГН «“Человек советский” в амбивалентной рецепции венгерской и русской гуманитаристики XX–XXI веков».

Yulia V. Matveeva

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia*

THE SOVIET REALITY AND THE “SUB-SOVIET” MAN IN THE EYES OF ÉMIGRÉ WRITER BORIS SHIRYAEV

This article deals with the literary and artistic creative activity of B. N. Shiryayev, a writer of the second wave of emigration, from the point of view of reflection of Soviet reality and Soviet man brought up and educated during two prewar decades. For the purposes of the research, the author chooses works of the writer focusing on the central topic of attitude towards the Soviet world; thus, the author refers to *I am a Russian Man*, a collection of short stories and stories *Sheep's Puddle*, *Kudeyar's Oak*, and *Cornet Vakulenko*. Referring to *I am a Russian Man*, the author demonstrates the difference between the Russian and the Soviet person, as depicted by Shiryayev, and examines the system of satirical methods the writer uses to describe the abnormal and absurd sides of the Soviet reality, which was wholly led by Marxism-Leninism depriving anything that was alive of life. The author raises the question about how Shiryayev's satire corresponded to Soviet satire and the negative role the collaborationist ideal of the author played with him believing in the recovery of the harmony of Russian life under Hitler. In order to provide more detail to the understanding of Shiryayev's perception of the Soviet world by means of examining the topic of the Great Patriotic War, the author analyses his stories *Sheep's Puddle*, *Kudeyar's Oak*, and *Cornet Vakulenko*. In its plot, each of the stories realises one and the same idea of the fact that the war and German occupation became a test for the Soviet authorities and ideology, an unexpected opportunity for the Russian people under Soviets to compare the Soviet regime and reality and the ones dominating in the territories occupied by Germans. While analysing the texts, the author makes an attempt to substantiate the moral and ideological one-sidedness of such a concept and demonstrate the inconsistency of its literary embodiment.

Key words: B. N. Shiryayev; second wave of emigration; “sub-Soviet” man; collaborationism.

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research* — Department of Humanities and Social Sciences, project 17-21-07002a(m) “‘Homo soveticus’ as an Ambivalently Received Phenomenon in the Hungarian and Russian Humanities of the 20th–21st Centuries”.

Citation: Matveeva, Yu. V. (2018). Sovetskaia deistvitel'nost' i “podsovetskii” chelovek glazami pisatel'ia-émigranta Borisa Shiriaeva [The Soviet Reality and the “Sub-soviet” Man in the Eyes of Émigré Writer Boris Shiryayev]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20, 3 (178), 168–182.

Submitted on 19 June, 2018

Accepted on 09 July, 2018

«Личная жизнь каждого писателя неразрывна с его творчеством» [Ширяев, 2016б, с. 118], — так высказался в одной из своих литературно-критических статей прозаик второй волны эмиграции Борис Николаевич Ширяев (1889–1959). Эта вполне тривиальная истина абсолютно применима к литературному наследию самого писателя, которое действительно нельзя вырвать из драматически запутанного и слишком неоднозначного контекста его реальной человеческой судьбы.

В течение трех последних десятилетий почти все написанное Ширяевым за границей, куда он попал в конце Второй мировой войны, было опубликовано в России. Множество раз переиздана его книга о Соловках начала 1920-х гг. «Неугасимая лампада» (1991, 2003, 2008, 2010, 2012, 2014). Вышли в свет очерково-автобиографическая книга «Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол» [Ширяев, 2007] и очерково-публицистическая — «Италия без Колизея» [Ширяев, 2014]. Отдельным томом вышли повести и рассказы о жизни в дореволюционной и советской России в предвоенное и военное время («Кудеяров дуб: повести и рассказы» [Ширяев, 2016б]). Вышли даже два объемных тома критики и очерковой публицистики Ширяева, собранной со страниц разных эмигрантских послевоенных периодических изданий («Бриллианты и булыжники...» [Ширяев, 2016а], «Люди земли Русской. Статьи о русской истории» [Ширяев, 2017]).

Постепенно начал формироваться отдельный блок научных исследований, посвященных Ширяеву. Первой, по-видимому, здесь можно назвать краткую справку о творчестве писателя в Энциклопедическом словаре русской литературы В. Казака [1988]. Развернутый очерк о Ширяеве был написан М. Е. Бабичевой [2005]. Имя Ширяева упоминается практически во всех учебниках по литературе русского зарубежья. В связи с неожиданно быстрым и неожиданно интенсивным процессом «возвращения» писателя в Россию в начале XXI в. появился целый ряд статей, посвященных его жизни и творчеству, в том числе и в указанных изданиях его прозы [Талалай, 2007; 2016; Власенко, Талалай; Акимов; Казанцева; Любомудров]. Особо нужно сказать о работах крымского историка С. Б. Филимонова [2011; 2012], который начал изучать публицистику Ширяева в коллаборантских периодических изданиях времен гитлеровской оккупации юга России. Кроме того, М. Талалай и А. Власенко в составленной ими книге Ширяева «Бриллианты и булыжники» снабдили российского читателя списком современных Ширяеву отзывов о его произведениях, написанных критиками-эмигрантами.

Суммируя сведения, рассредоточенные по разным источникам, перечислим те факты реальной жизни прозаика, без знания которых невозможно анализировать литературную деятельность. Б. Н. Ширяев родился в 1889 г. в дворянской семье, учился сначала на историко-филологическом факультете Московского университета, потом — в Германии, в Геттингене. Во время Первой мировой закончил Императорское военное училище, воевал в чине штаб-ротмистра 17-го Гусарского Черниговского полка. Во время революции и Гражданской войны

встал на сторону белых, был дважды приговорен к смертной казни, но один раз бежал, во второй — казнь была заменена заключением в Соловецком лагере. Находился в СЛОНе около пяти лет, примерно с 1922 по 1927 г., после чего был сослан в Среднюю Азию. В 1932 г. вернулся в Москву, был вновь арестован и сослан в г. Россошь. С 1935 г. вплоть до оккупации жил в Ставрополе и Черкесске. На протяжении всего этого времени активно занимался литературной работой, был знаком со многими советскими писателями, печатался в различных региональных изданиях. В Ташкенте, а потом в Ставрополе преподавал русский язык и литературу в вузах. Такова общая канва довоенной биографии Ширяева, и она, конечно, не вызывает особенного удивления своей похожестью на тысячи других подобных историй.

Однако всё, что известно о Ширяеве начиная с 1942 г. вплоть до окончания войны, заставляет сильно насторожиться. После оккупации Северного Кавказа германскими войсками отлично знающий немецкий язык писатель, журналист и преподаватель Б. Ширяев становится редактором распространяемой на всей оккупированной северокавказской территории газеты «Ставропольское слово» (переименованной в «Утро Кавказа»). Переместившись вместе с отступающими немцами в Крым, Ширяев и там редактирует газету («Голос Крыма»), сотрудничает в газете «Мелитопольский край». Кроме того, как сообщает С. Б. Филимонов, Ширяев, будучи редактором коллаборационистских газет, вместе с другими представителями прессы на оккупированных территориях был послан немецким начальством в двухмесячную командировку в Германию, где лично встречался с ген. А. Власовым. После этой поездки он становится убежденным сторонником Власова, получает звание капитана Русской Освободительной Армии. Причем какое-то время, как пишет Н. Казанцев, Ширяев находится в пропагандной школе в Дабендорфе под Берлином.

После поражения немцев на юге России Ширяев бежит в Берлин. Продолжает пропагандистскую журналистскую деятельность — сначала в 1944 г. в Белграде, издавая газету «На казачьем посту», потом, с февраля 1945 г. — на севере Италии во Фриули. Живя в Казачьем Стане атамана П. Н. Краснова, Ширяев выпускает газету «Казачья земля». После окончания войны остается вместе с семьей в Италии, пишет для различных эмигрантских изданий, особенно много — для аргентинской газеты «Наша страна», издателем которой был И. Л. Солоневич, вдохновитель и сподвижник Ширяева по Народно-монархическому движению¹.

Та часть литературного наследия Ширяева, которая на сегодняшний день возвращена в поле российской культуры, принадлежит послевоенному периоду его жизни. При этом главной задачей и собственного творчества, и литературного творчества других эмигрантов послевоенного времени писатель считал «идейную борьбу с большевизмом, во всех его проявлениях» [Ширяев, 2016а,

---

¹ И. Л. Солоневич, автор книг «Народная монархия» и «Россия в концлагере», был известной личностью в эмиграции, основоположником идеи «народной монархии» [см. о нем: Воронин; Сапожников; Поль].

с. 234], а немного подправленную знаменитую национальную доктрину «православие — самодержавие — народность» положил в основание своей философии, этики и эстетики.

Рассмотреть, каким был взгляд Ширяева на советскую действительность, что ему было в этой действительности особенно враждебно, как отзывался он о советском человеке, созданном и воспитанном в течение двух довоенных десятилетий — вопрос не праздный. Во имя приближения объективной картины мира, которая никогда не бывает очевидной и застывшей данностью, но складывается из мозаики разных взглядов, позиций и наблюдений, стоит, безусловно, воспользоваться и литературной оптикой Б. Ширяева.

В очерково-документальной книге Б. Ширяева «Неугасимая лампада» (1954), посвященной новомученикам соловецкой каторги, новая власть, пришедшая на острова архипелага, декларирует себя следующим образом: «...у нас здесь власть не советская, а соловецкая». Так определяет ее «владыка острова» чекист Ногтев. Конечно, эта самая «соловецкая» власть — один из вариантов формирующейся советской системы. Выведены в книге и человеческие типы, ее поддерживающие, сформирована и четкая оценочная оппозиция: российское прошлое — советское настоящее («золотая пряжа Российской империи» — «суровые СССР»; «красный флаг, свергнувший крест»). Однако как таковой советский мир в «Неугасимой лампаде» отсутствует, ибо еще не сложился, не обрел своих устойчивых форм в действительности: «Соловецкие каторжане “первых призывов” были осколками Великого Рухнувшего. Они не прошли еще шлифовки НЭПА, переплавок пятилеток, их сознание не было еще истерто в порошок дробилкой советской пропаганды, жерновами советского быта» [Ширяев, 1991, № 4, с. 145]. По тому, что происходит в Соловецком лагере, можно лишь догадываться о готовности и накапливающемся потенциале советского мироустройства. В рассказах же из книги «Я — человек русский», в повестях «Овечья лужа», «Кудеяров дуб», «Хорунжий Вакуленко», — словом, в тех произведениях Ширяева, где отразилась новая, после лагеря открывшаяся ему реальность, тема советской жизни, власти, идеологии и культуры занимает центральное место. Отношение автора или его героев ко всему советскому является здесь основой конфликта, сюжета и стилевой целостности произведений, а очевидная нетерпимость ко всему советскому пронизывает все эти тексты.

Начнем со сборника «Я — человек русский», вышедшего в 1953 г. в Буэнос-Айресе. В него вошло 16 рассказов, из которых 12 целиком посвящены жизни «в Сесерии», два — первый и последний, придающие кольцевую композицию книге («Я — человек русский» и «На базе марксизма»), — охватывают уже иной, постсоветский для автора этих рассказов, период времени (эпоха немецкой оккупации, послевоенная Италия), еще два — второй и предпоследний («Свет во тьме», «Замерзающий мальчик») — соединяют оба вышеуказанных временных пласта: советский и, условно говоря, вне-советский. Подобное построение книги, по-видимому, не случайно, и тот вариант публикации рассказов Ширяева, который предлагают составители книги «Кудеяров дуб: повести и рассказы»,

перемешивая рассказы сборника с другими (хоть в этом есть своя логика, связанная с восстановлением целостности наследия писателя), разрушает изначальную концепцию автора, желавшего, по-видимому, подчеркнуть дантову линию нисхождения в ад и восхождения из него.

Для Ширяева было несомненно, что «русский» человек не равен «советскому», которого писатель неизменно награждает определением «подсоветский». Лучшие его, «русского» человека, черты, как верит Ширяев, не выветрились и не износились за годы советской власти. Именно это и доказывается в двух первых и двух последних рассказах книги. Так, например, присказкой разудалого ставропольского артиста Алешки Пшика, распевającego русские песни под трехрядку на пляже близ Неаполя, стало гордое восклицание: «Я — русский человек!», «Мы — русские люди!» и даже: «Jo sono homo russo!» В чем именно состоит его «русскость»? В пренебрежении ко всему на свете, в находчивости и выживаемости, на которую, собственно, эта находчивость всегда и направлена, в неумной бравате и хвастовстве. Не самые, быть может, лучшие национальные черты, но их широта и сила Ширяеву симпатичны. Его Алеша Пшик — прямой наследник идеализированного и романтизированного горьковского Гришки Челкаша. Только удаль его да размашистость другой природы, совсем не горьковской.

Последний рассказ в книге («На базе марксизма»²) тоже посвящен русскому характеру в понимании Бориса Ширяева: русские, т. е. бывшие «подсоветские» люди, быстро поняли и приняли власть немцев, приспособив в буквальном смысле слова толстые тома классиков марксизма-ленинизма к нуждам трудящихся, а именно, — «отмочив» издания их произведений и смастерив из их тканевых переплетов новую одежду. Немцы приказывают сжечь «советскую литературу», но «русские люди» гораздо сообразительнее и изощреннее, чем думает о них немецкое начальство, а кроме того — для них ведь это акт символический, материализующий глубинную ненависть к советской идеологии. Рассказ был бы очень смешон, если бы не был столь откровенно циничен. Победное ликование жены героя-повествователя напоминает настоящий шабаш посреди войны:

— Вот она, мануфактура! Получай рождественский подарок! <...> Жена выглядит так же, как, вероятно, выглядел праотец Ной, спуская на воду оснащенный новенький Ковчег. Она вертит передо мной сынишку, демонстрируя все достижения «На базе марксизма-ленинизма». — Из переплетов... только вот буквы не совсем отстирались. Но это ничего, даже удачно получилось. Смотри, на одной попочке у него «Маркс», а на другой — «Энгельс»... Изящно? И идеологически выдержано. Не придерешься [Ширяев, 1953, с. 117–118].

² Сюжетно-тематически этот рассказ, как и рассказ «Философия Платона Евстигнеевича», связаны с повестью «Кудеяров дуб», в связи с чем в книге «Кудеяров дуб: повести и рассказы» (2016) помещены составителями в отдельный раздел «Приложение к эпосе Птань».

Наконец, еще два рассказа сборника: второй по счету («Свет во тьме») и предпоследний («Замерзающий мальчик») — отсылают к военному времени, тому самому периоду, когда и автор-повествователь, и другие персонажи еще вроде бы принадлежат советскому миру, но власть его слабеет, вот-вот что-то произойдет, и вырвутся из глубин человеческого духа, как считает автор, подлинные христианские чувства. В первом — бригадир «пригородного колхоза имени Сталина» [Ширяев, 1953, с. 14] по прозвищу Зануда весной 1942 г., накануне прихода немцев, приносит герою-повествователю для его маленького сына серый куличик и крашеные яички на Пасху. Во втором — герой-рассказчик передает историю чудесного спасения одного из многих загубленных, замороженных (конечно, по вине советской власти) во время эвакуации детей — маленького мальчика, которого вовремя заметили и выходили русский доктор и простая русская женщина. Оба рассказа отсылают к хорошо узнаваемым текстам — рассказу Л. Андреева «Баргамот и Гараська» и целому ряду «святочных рассказов» — от андерсеновской «Девочки с серными спичками» до купринского «Чудесного доктора», сюжет которого в данном случае вспоминается, конечно, в первую очередь. На фоне карикатурно-иронического пафоса остальных рассказов эти два выделяются своей сентиментальностью. Именно им, этим двум рассказам («Свет во тьме» и «Замерзающий мальчик»), где, по мысли писателя, происходит высвобождение из недр советского бытия подлинного человеческого начала, принадлежит основная лирическая партия всей книги.

Если же говорить о 12 рассказах, составляющих основу сборника «Я — человек русский», то в них Ширяев стремится изобразить советский мир многогранно и с разных сторон, демонстрируя незаурядные способности писателя комического и даже сатирического, используя весь спектр надлежащих приемов: гротеск, травестирование, выворачивание наизнанку знакомых сюжетов, антитезу, лексику и фразеологию советского новояза с его бюрократическими и политическими терминами, чудовищными аббревиатурами, новомодными и новообразованными именами собственными. Все это направлено на то, чтобы показать, как абсурдно, как аномально существование людей внутри советской системы, созданной абсурдной же и аномальной, а кроме того, совершенно оторванной от жизни идеологией. При столкновении с этой тотальной омертвляющей идеологической схемой все, как по волшебству, заражается этим абсурдом, превращается в анекдот.

Рождение ребенка становится поводом для идейно-административного укрепления социальных позиций родителей: в рассказе «Октябрины Ивисталины» новорожденную девочку ее «беспартийный, но строго лояльный во всех отношениях» отец называет фантастическим именем, состоящим из первых букв и слогов имени-отчества Сталина, а только что родившая ребенка Муса в рассказе «Мушино счастье» по наущению соседок из «родики» пишет жалобу в суд на летчика, бескорыстно помогшего ей. Порядочность, безупречная добросовестность, доверчивость, талантливость, человеческая отзывчивость неизменно становятся причиной бед и злоключений героев: педантично

составленный скромной работницей Парка культуры и отдыха реестр портретов руководителей государства оказывается прямым свидетельством против нее («Порченые вожди»); вызывающие зависть галоши, которыми «премировали» талантливого актера-любителя из рассказа «Галоша счастья», являются поводом для доноса; курсант военной академии, купивший в закрытом распределителе по просьбе бабушки детские вещи, получает выговор за «бытовое разложение»; девушка, подававшая литературные надежды, поступив в советский вуз, подстраивается, в конце концов, под «тупые рифмы правоверных комсомольцев» («Девушка и грифы»); герой-рассказчик, пригласивший на Рождество в свой дом ближайших друзей, внезапно узнает о том, что, по крайней мере, трое из них — доносчики («Сусальный ангел»).

Один из любимых приемов Ширяева — использование традиционных культурных кодов, реализуемый чаще всего на уровне травестирования хорошо знакомых литературных сюжетов. Например, в рассказе «Галоша счастья» воспроизводятся сюжетные ходы сказки Г. Х. Андерсена «Калоши счастья»: волшебный предмет — галоши — вместо счастья приносят своему обладателю непредвиденные испытания. В рассказе «Сусальный ангел», где образ «сусального рождественского ангела», «настоящего, старорежимного, царского» становится символом подлинного праздника Рождества, узнается образ ангелочка, ставшего средоточием переживаний и мечтаний мальчика Сашки из рассказа Л. Андреева «Ангелочек». Само же название рассказа «Сусальный ангел» отсылает к одноименному стихотворению А. Блока. Рассказ «Случай в облкустпромвинплодоовощи» повторяет анекдотическую ситуацию рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника»: герой, «лояльный активист», регулярно видящий «не только продовольственные, но и организационные» сны, умирает от ужаса, что не вовремя увидел и рассказал очередной сон о директоре Фишмане, которого в свежем номере газеты изобличили и осудили за космополитизм. Рассказ «Робинзон Крузов», с одной стороны, пародийно воскрешает хрестоматийный сюжет Д. Дефо, а с другой — отсылает к сатирическому рассказу советских писателей И. Ильфа и Е. Петрова «Как создавался Робинзон» (1932), где сюжет робинзонады по-новому, «по-советски», уже был искрометно обыгран. Вслед за Ильфом и Петровым Ширяев создает пародию на советскую социалистическую литературу, практику соцзаказа и советскую цензуру.

Однако именно здесь, в этой точке очевидного совпадения с Ильфом и Петровым хочется остановиться. Конечно, Ширяев в своих рассказах подверг сатирической критике многие стороны советского быта, советской психологии и советской культуры, но было ли что-то новое в его текстах, что-то такое, о чем бы «советские» авторы не писали, над чем бы не осмелились посмеяться? Сравнивая сатирическую прозу Ширяева с сатирической литературой, созданной М. Зощенко, М. Булгаковым, С. Кржижановским, В. Маяковским, Н. Эрдманом, А. Платоновым, И. Ильфом и Е. Петровым, нельзя не увидеть ее вторичности, причем касается это не только художественной стороны. Рассказы Ширяева на фоне писателей, творивших в пределах метрополии, напоминают фельетоны

и рассказы дореволюционного «Сатирикона», что в новых условиях совсем иной эпохи выглядит, по меньшей мере, анахронично. В них нет глубины, нет трагического отсвета даже там, где он по логике сюжета вполне мог бы появиться. Живя в Италии, писатель на расстоянии, весьма иронично, остроумно и вполне безнаказанно обличает такие явления, как доносительство, всепроникающий страх, вездесущий советский блат, бездумность и безжалостность по отношению к людям, господство идеологии, отчуждение людей от всего, что творит власть, тяжелый и убогий быт, дефицит продуктов и товаров, и т. д. Но все это достаточно поверхностно, без психологической многозначности. Комический эффект, возникающий в рассказах Ширияева, чаще всего рождается из комизма ситуаций, нелепости положения, в которое попадает автор или герой. Источником зла всегда является советская система ценностей и советская система власти, которая, собственно, и создает новые конфликты, новые характеры, новый язык. К языку, кстати, Ширияев особенно чуток: активно использует так называемые «советизмы» с целью создания комического эффекта в самых неподходящих для их употребления контекстах, мастерски стилизует официальную речь заседаний и канцелярских документов.

Говоря о рассказах Ширияева, нельзя не задуматься и еще над одним существенным обстоятельством: подвергаемая сатирическому осмеянию картина советского быта получает здесь свой гармонизирующий исход, это — немецкая оккупация, во время которой все, как считает и показывает писатель, встает на свои места, обретает подлинный смысл. Как известно, любое обличение, любое осмеяние должно опираться на прочный внутренний идеал. Он может быть скрыт, но он должен ощущаться. В данном случае идеал (немцы и немецкая власть на оккупированной территории России) отчетливо воспринимается русским читателем величиной отрицательной, а потому и все обличаемое автором невольно утрачивает свою однозначную веселость и ставится под сомнение.

Конечно, смешные гротесково-абсурдные детали советского быта в его рассказах остаются узнаваемы, но там, где писатель изображает человеческую психологию, пытается проследить сложную мотивировку человеческих поступков, в этих случаях почти всегда возникает недоумение. Возьмем два рассказа — «Случай в облкустпромвинплодовощи» и «Философия Платона Евстигнеевича». В обоих рассказах речь идет о героях-приспособленцах, но в первом — это «активист и, можно сказать, стопроцентный беспартийный большевик», политический конформизм которого подвергается сатирическому (в духе М. Зощенко и раннего А. Платонова) изобличению автора. Во втором же рассказе, наоборот, герой, колхозный сторож Платон Евстигнеевич, — «коммунист с 1918 года», но воспринимается он автором в качестве носителя подлинной народной мудрости, ибо исповедует философию тихой, незаметной жизни «умеючи», при которой партбилет нужен, как панцирь черепахе, для биологического самосохранения. Однако если Петр Петрович из облкустпромвинплодовощи ассоциируется с чиновником Червяковым из чеховской «Смерти чиновника», то и Платон Евстигнеевич заставляет вспомнить не менее смешного и даже,

пожалуй, более отталкивающего персонажа из рассказа М. Зощенко «Жертва революции». Раболопное услужение активиста на поверку так же уродливо и отвратительно, как и лицемерное приспособленчество тихого партийного обывателя. И странно для русского писателя видеть в обывательской философии и психологии достойную восхищения добродетель.

Особый блок в творческом наследии Ширяева представляют собой пять повестей, объединенных местом действия и рядом общих героев, из которых две обращены к дореволюционной реальности («Последний барин», «Ванька Вьюга»), а три («Овечья лужа», «Кудеяров дуб» и недописанная «Хорунжий Вакуленко») — ко времени немецкой оккупации. «Кудеяров дуб» и «Хорунжий Вакуленко» образуют своеобразную дилогию. Главным героем первой повести является автобиографический для Ширяева персонаж Всеволод Брянцев, бывший корнет царской армии, ставший в советские времена доцентом педвуза, укрывшийся во время отступления Красной армии в сторожке учхозного сторожа и превратившийся при немецкой власти в «редактора свободной газеты». Герой второй повести обозначен в самом названии — бывший студент Брянцева Мишка Вакуленко, ставший при немцах «добровольцем охранной кубанской сотни» — армейского подразделения немецкой армии, состоящего из русских, настроенных против советской власти. Повесть «Овечья лужа» имеет отдельный сюжет, в центре которого судьба комсомолки Нины, вернувшейся перед самой оккупацией из города, где она училась в институте, к себе на родину в Масловку, в которой ей суждено было вскоре пережить разочарование во многих просоветских идеалах, убедиться в гуманизме, благородстве и порядочности немцев, платонически влюбиться в зондерфюрера с романтическим именем Вертер и погибнуть от руки подпольщика и комсомольца Васьки Зенина.

Замысел всех трех повестей содержит одну объединяющую их идею, суть которой сводится примерно к следующему: война, оккупация — это проверка советской власти и ее представителей на прочность, а установление немецких порядков и оккупационного режима дало возможность русским «подсоветским» людям сравнить советский режим, советскую действительность и тот режим, ту власть и те порядки, которые воцарились при немцах на занятой ими территории, в пользу, разумеется, последних.

Ни в одном из этих текстов ничего не сказано о войне подлинной, той, которую познали миллионы советских людей — те, кто воевал, те, кто был в тылу, те, кто оказался на занятых немцами землях. Не было, по версии Ширяева, ни зверств СС, ни зверств полицаев, ни геноцида, ни лагерей смерти, вообще не произошло ничего страшного, кроме того, что убежали корыстные и трусливые коммунисты, «администрация и начальство» [Ширяев, 2016б, с. 400]. Никто из сельского населения, кроме идейных партработников, эвакуироваться даже и не собирался: все заранее знали, что «немцы, как немцы, очень даже обыкновенные. Ну, понятно, армия, как ей надо быть, строгость, а больше ничего такого» [Там же]. В городе тоже, кто мог — «от общей погрузки» «увиливал» [Там же, с. 418]. Расстрелы и насилие — удел только «советской» стороны: энкаведисты,

отступая, уничтожают заключенных, расстреливают за городом своих же солдат; выполняя «задание партии», взрывают элеватор и мельницу, обрекая оставшихся сограждан на голод («Кудеяров дуб»); партизаны и подпольщики только и делают, что вредят немцам в их гуманитарной помощи мирному населению, а тех, кто не желает им добровольно или насильно помогать, безжалостно убивают, запугивают и шантажируют (Мира и ее отец («Кудеяров дуб»), смерть Нины и крестьянки Анеты («Овечья лужа»); расправа с Гущиной и ее отчимом («Хорунжий Вакуленко»)). Пришедшие же немцы ведут себя в высшей степени корректно, уважают культуру и людей. Под их покровительством возрождаются «свободная» печать («Кудеяров дуб») и попранная религия («Овечья лужа»).

Особенно значим этот мотив сравнения советских и немецких морально-нравственных установок, быта, культуры и уровня образования в повести «Овечья лужа», где он является не только сюжетообразующей моделью, но и становится внутренним конфликтом в душе героини — бывшей студентки и комсомолки Нины, ставшей отчасти по поручению комсомольца Васьки Зенина, отчасти «для практики», отчасти по мановению души переводчицей при расквартированных в Масловке немцах.

Приехав в родную Масловку к своей тетке-учительнице Клавдии Изотиковне, Нина хоть и пытается соотносить штампы советской пропаганды с тем, что видит вокруг, находится под воздействием вбитых в ее сознание стереотипов: «Да, немцы, зверства, кровь, муки... Перед Ниной встало лицо секретаря ячейки, рассказывавшего о расстреле комсомольцев и насилии над девушками» [Ширяев, 2016б, с. 253]. Придя впервые в качестве переводчицы на работы по строительству моста, девушка в глубине души осуждает готовность бывшей подруги рьяно служить немцам: «Эта готовность снова резанула Нину. Врагу ведь!» [Там же, с. 277]. Но вот в доме учительницы поселяются два немецких офицера — Швабе и Вертер, один из которых родился в Москве, помнит Россию, обожает русскую музыку, а другой — «штудент теологии» Вертер — по-русски читал всего Достоевского. Общаясь с ними, Нина начинает тянуться к религии, понимает степень своей чисто советской необразованности: «Вмазалась, — подумала Нина, — “Бесов”-то я как раз и не читала. Их в библиотеке не было. Да и “Карамазовых” вскользь пробежала. Умыл меня немец» [Там же, с. 306]. Задания и поступки комсомольца-активиста Васьки Зенина становятся ей все более ненавистны, ибо их злостный антинародный характер ей претит. Немцы, к примеру, раздают зерно крестьянам на семенной фонд, а Васька велит переводить, что раздадут лишь малую часть; Васька с партизанами убивают случайного немецкого мотоциклиста только для того, чтобы «вызвать репрессию со стороны немцев» [Там же, с. 336]; партизан Линь убивает Анету, активную крестьянку, выслуживавшуюся перед немцами. В финале повести Нина приходит к нравственному кризису: с немцами уехать не решается, чувствуя свою иноприродность по отношению к ним, но и со своими «советскими» общий язык потеряла. Взамен она обретает внутреннюю твердость, веру, способность противостоять идеологической обработке извне: «Ничего никто мне не сделает. Не может,

не в силах сделать. Припугнуть меня хочешь, Вася? Чем? Подвалом?...» — говорит она Ваське на его угрозу «ответить» за все, — «...только не страшен он мне теперь, да и никогда не будет страшен. Другое меня пугало. Знаешь что? Совесть» [Ширяев, 2016б, с. 385].

Однако антиномия «советское» (ненавистное и однозначно во всех ситуациях осуждаемое) и «немецкое» (правильное, разумное, во всех случаях симпатичное, но чужое) отнюдь не исчерпывает идейного замысла писателя. В этой идейно-нравственной системе, созданной Ширяевым, не хватает еще одного звена, для него наиважнейшего — всего того, что можно обозначить как подлинно «русское».

Как уже было сказано, Ширяев неизменно отделял «русское» от «советского» и не считал советскими русских людей. Для обозначения этой разницы, этого разрыва он использовал в общем-то довольно часто употреблявшееся в эмиграции слово «подсоветский». У Ширяева это определение стало невероятно частотным: им писатель полностью заменил определение «советский», подчеркивая тем самым наносной и неорганичный характер тех качеств, которые оказались присущи людям в СССР. Определение это используется писателем в разных сочетаниях и не только в художественной прозе, но и в критике, в публицистике: «подсоветский народ» [Там же, с. 300], «русская подсоветская молодежь» [Там же], «новые подсоветские русские» [Там же, с. 265], «пока закамуфлированные группы населения подсоветско-русской terra incognita» [Там же, с. 302], «подсоветские массы» [Там же]. Даже такие типы героев, как «лояльные», «партийные», «активисты», «администрация», «энкаведисты», «чекисты», «партизаны» и «комсомольцы» нигде не называются им «советскими».

Ширяев стоял на своеобразных почвеннических позициях и во многом разделял идею «народной монархии» И. Л. Солоневича³, отсюда его убежденность в том, что возврат к прежней жизни, к прежней системе ценностей возможен. Возможно возрождение православной религии, возрождение истинно русского духа в людях, подвергшихся временному и наносному влиянию большевиков. Отстаивая монархические, почвеннические и христианские идеалы, Б. Ширяев верил, что они остались нетронутыми в глубине русского национального самосознания, в то время как «советское» — это не более чем внешняя шелуха, готовая отпасть при первом удобном случае. Не удивительно поэтому, что и лучшие герои писателя идут от «советскости» к «русскости», отряхивая все то, что было связано с идеологией и уродливыми формами социалистической жизни. Наиболее развитые и самостоятельные из них, наиболее близкие самому автору — Всеволод Брянцев, Миша Вакуленко — осознанно приходят к идее сосуществования немцам во имя будущего России.

Ставя эту идею в заслугу Ширяеву, В. Казак писал в своем «Лексиконе русской литературы XX века»: «Наибольшей его (Ширяева. — Ю. М.) заслугой

³ М. Г. Талалай сообщает, что Ширяев входил в правление Российского народно-монархического движения, созданного И. Л. Солоневичем [см.: Талалай, 2016б, с. 15].

является изображение второй мировой войны с точки зрения рус. патриота, который отвергает тоталитарную сов. систему и из соображений пользы для своей нации готов сотрудничать с немцами» [Казак, с. 471]. Подобная трактовка, высказанная еще при жизни Ширяева близким ему, по-видимому, Н. Чухновым [2016], перешла и в современные статьи, посвященные Ширяеву (М. Г. Талалай, М. Бабичева, Н. Казанцев).

Думается, такое понимание философии и творчества Ширяева далеко от правды. В своей ортодоксальности, в стремлении спрямить и упростить сложнейшие и драматичнейшие социальные процессы и явления, в своем стремлении схематизировать и вульгаризировать историю Ширяев действует в полном соответствии с задачей советского агитпропа, только советского агитпропа наоборот — агитпропа антисоветского. Почувствовали это уже первые читатели Ширяева. Так, например, В. Рудинский (человек тоже весьма непростой судьбы и уж точно не коммунистических взглядов) в своей статье, посвященной двум писателям-эмигрантам — М. Ульянову и Б. Ширяеву, о последнем пишет, что «он категорически требует от всех поэтов и писателей эмиграции служения делу антибольшевизма и приходит в раздражение от самой идеи, что можно писать для чего-то иного. Но не напоминает ли это, в самом деле, большевистского стандарта? Не получается ли это такой же точно социальный заказ, как в СССР, только не левый, а правый?» [Рудинский, с. 415]. К такому же точно выводу приходит и современный исследователь А. М. Любомудров: «Поставленный во главу угла антикоммунистический пафос двух последних повестей Ширяева (“Кудеяров дуб” и “Хорунжий Вакуленко”. — Ю. М.) парадоксальным образом сближает их с литературой большевистской. С ее политизированностью, однолинейностью, беспощадной ненавистью к идеологическим противникам и лозунгом “если враг не сдается, его истребляют”» [Любомудров, с. 715].

Именно в этой авторской пристрастности и кроется, по-видимому, причина художественной неубедительности повестей Ширяева, искусственности их сюжетов, плоской однозначности героев. Отвергая советский мир и советскую идеологию, ничего иного, кроме «сусального ангела» и сделки с нацистами, писатель, по существу, так и не предложил. Советского человека с его объективно сильными качествами и набором очевидных и тоже вполне объективных недостатков, в общем-то, не разглядел совсем. Даже победа над гитлеровской Германией не убедила Ширяева в том, что он существует.

Источники

Ширяев Б. Н. Я — человек русский! = Soy hombre ruso! : рассказы. Буэнос-Айрес : Nuestro pais, 1953.

Ширяев Б. Н. Неугасимая лампада // Наш современник. 1991. № 4. С. 134–146; № 5. С. 139–159.

Ширяев Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб. : Алетейя, 2007.

Ширяев Б. Н. Италия без Колизея. СПб. : Алетейя, 2014.

Ширяев Б. Н. Бриллианты и булыжники : статьи о русской литературе. СПб. : Алетейя, 2016а.

Ширияев Б. Н. Кудеяров дуб : повести и рассказы. СПб. : Полиграф, 2016б.

Ширияев Б. Н. Люди земли Русской. Статьи о русской истории. СПб. : Алетейя, 2017.

Исследования

Акимов В. М. Предисловие // Ширияев Б. Н. Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе. СПб. : Алетейя, 2016. С. 5–7.

Бабичева М. Е. Борис Николаевич Ширияев // Бабичева М. Е. Писатели второй волны русской эмиграции : биобиблиографические очерки. М. : Пашков дом, 2005. С. 368–393.

Власенко А., Талалай М. От составителей // Ширияев Б. Н. Бриллианты и булыжники: статьи о русской литературе. СПб. : Алетейя, 2016. С. 430–434.

Воронин И. П. Гражданин Империи: Очерк жизни и творчества Ивана Лукьяновича Солоневича. М. : ФИВ, 2013.

Казак В. Ширияев // Лексикон русской литературы XX века. М. : Культура, 1996. С. 471.

Казанцев Н. Предисловие // Ширияев Б. Н. Люди земли Русской : статьи о русской истории. СПб. : Алетейя, 2017. С. 7–11.

Любомудров А. М. Любовь и ненависть Бориса Ширияева // Ширияев Б. Н. Кудеяров дуб : повести и рассказы. СПб. : Полиграф, 2016. С. 692–718.

Поль Д. В. Смеховое начало в прозе Б. Л. и И. Л. Солоневичей // Литературное зарубежье как культурный феномен : сб науч. тр. / [ред. колл.: Т. Г. Петрова (отв. ред.) и др.]. М. : ИНИОН РАН, 2017. С. 159–169.

Рудинский В. Две крайности // Ширияев Б. Н. Бриллианты и булыжники : статьи о русской литературе. СПб. : Алетейя, 2016. С. 413–417.

Сапожников К. Н. Солоневич. М. : Молодая гвардия, 2014. (ЖЗЛ).

Талалай М. Г. Итальянский кукольник, он же русский изгнанник // Ширияев Б. Н. Ди-Пи в Италии. Записки продавца кукол. СПб. : Алетейя, 2007. С. 5–10.

Талалай М. Г. Предисловие // Ширияев Б. Н. Кудеяров дуб : повести и рассказы. СПб. : Полиграф, 2016. С. 5–11.

Филимонов С. Б. Борис Ширияев в оккупированном Крыму: новые материалы в годы Великой Отечественной войны // Проблемы национальной безопасности России в XX–XXI вв.: уроки истории и вызовы современности: к 70-летию начала Великой Отечественной войны : материалы междунар. науч.-практ. конф. Краснодар : Традиция, 2011. С. 360–363.

Филимонов С. Б. Запретно-забытые страницы истории Крыма. Поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь : Н. Оріанда, 2012.

Чухнов Н. Замалчиваемый писатель // Ширияев Б. Н. Бриллианты и булыжники : статьи о русской литературе. СПб. : Алетейя, 2016. С. 410–413.

References

Akimov, V. M. (2016). Predislovie [Preface]. In B. N. Shiryayev, *Brillianty i bulyzhniki: stat'y o russkoy literature* [Diamonds and Cobblestones: Articles on Russian Literature] (pp. 5–7). St Petersburg: Aleteya. (In Russian)

Babicheva, M. E. (2005). Boris Nikolaevich Shiryayev. In M. E. Babicheva, *Pisateli vtoroy volny russkoy emigratsii: biobibliograficheskie ocherki* [Writers of the Second Wave of Russian Emigration: Bibliographic Essays] (pp. 368–393). Moscow: Pashkov dom. (In Russian)

Chukhnov, N. (2016). Zamalchivaemiy pisatel' [The Writer not Spoken about]. In B. N. Shiryayev, *Brillianty i bulyzhniki: stat'y o russkoy literature* [Diamonds and Cobblestones: Articles on Russian Literature] (pp. 410–413). St Petersburg: Aleteya. (In Russian)

Filimonov, S. B. (2011). Boris Shiryayev v okkupirovannom Krimu: novye materialy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Boris Shiryayev in the Occupied Crimea: New Materials during the Great Patriotic War]. In *Problemy natsional'noy bezopasnosti Rossii v XX–XXI vv.: uroki istorii i vyzovy sovremennosti: k 70-letiyu nachala Velikoy Otechestvennoy voyni: materialy mezhdunar. nauch.-prakt.*

konf. [Problems of Russia's National Security: Lessons of History and Challenges of the Present: For the 70th Anniversary of the Beginning of the Great Patriotic War] (pp. 360–363). Krasnodar: Traditsia. (In Russian)

Filimonov, S. B. (2012). *Zapretno-zabytye stranitsy istorii Krimea. Poiski i nahodki istorika-istochnikoveda* [Forbidden and Forgotten Pages of the History of the Crimea. Searches and Discoveries of a Historian and Source-Study Expert]. Simferopol: N. Orianda. (In Russian)

Kazak, V. (1996). Shiryayev. In V. Kazak, *Lexikon russkoy literatury XX veka* [The Lexicon of 20th Century Russian Literature] (p. 471). Moscow: Kul'tura. (In Russian)

Kazantsev, N. (2017). Predislovie [Preface]. In B. N. Shiryayev, *Ludi zemli Russkoy: stat'i o russkoy istorii* [People of the Russian Land. Articles about Russian History] (pp. 7–11). St Petersburg: Aleteya. (In Russian)

Lybomudrov, A. M. (2016). Lybov' i nenavist' Borisa Shiryayeva [Boris Shiryayev's Love and Hate]. In B. N. Shiryayev, *Kudeyarov dub: povesti i rasskazy* [Kudeyar's Oak: Novels and Stories] (pp. 692–718). St Petersburg: Poligraf. (In Russian)

Pol, D. V. (2017). Smekhovoe nachalo v proze B. L. i I. L. Solonevichey [Laughter in the Prose of B. L. and I. L. Solonevich]. In T. G. Petrova et al. (Eds.), *Literaturnoye zarubej'e kak kul'turniy fenomen: sb. nauch. tr.* [Russian Émigré Literature as a Cultural Phenomenon] (pp. 159–169). Moscow: INION RAN. (In Russian)

Rudinsky, V. (2016). Dve krainosti [Two Extremities]. In B. N. Shiryayev, *Brillianty i bulyzhniki: stat'y o russkoy literature* [Diamonds and Cobblestones: Articles on Russian Literature] (pp. 413–417). St Petersburg: Aleteya.

Sapozhnikov, K. N. (2014). *Solonevich*. Moscow: Molodaya gvardiya. (In Russian)

Talalay, M. G. (2007). Italiyskiy kukol'nik, on zhe izgnannik [The Italian Puppeteer, aka the Russian Exile]. In B. N. Shiryayev, *Di-Pi v Italii. Zapiski prodavtsa kukol* [Di-Pi in Italy. The Doll Seller's Notes] (pp. 5–10). St Petersburg: Aleteya. (In Russian)

Talalay, M. G. (2016). Predislovie [Preface]. In B. N. Shiryayev, *Kudeyarov dub: povesti i rasskazy* [Kudeyar's Oak: Novels and Stories] (pp. 5–11). St Petersburg: Poligraf. (In Russian)

Vlasenko, A., & Talalay, M. (2016). Ot sostaviteley [From the Compilers]. In B. N. Shiryayev, *Brillianty i bulyzhniki: stat'y o russkoy literature* [Diamonds and Cobblestones: Articles on Russian Literature] (pp. 430–434). St Petersburg: Aleteya. (In Russian)

Voronin, I. P. (2013). *Grazhdanin Imperiy: ocherk zhizni i tvorchestva Ivana Luk'yanovicha Solonevicha* [A Citizen of the Empire: Essays on the Life and Creative Work of Ivan Lukyanovich Solonevich]. Moscow: FIV. (In Russian)

Матвеева Юлия Владимировна

доктор филологических наук, профессор
кафедры русской и зарубежной литературы
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: julia-matveeva@yandex.ru

Matveeva, Yulia Vladimirovna

Dr. Hab. (Philology), Professor
Department of Russian and Foreign Literature
Ural Federal University
51, Lenin Ave., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: julia-matveeva@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3810-867X
Scopus ID: 57194764936